

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА **ЛУЧШЕЕ**

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

Издательство «ГрандМастер» входит в холдинг «Эксмо» и самостоятельно определяет редакционную политику.

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть «настоящими мужчинами».

В ближайшее время вас ждут новинки:

«Переписка Николая II с Вильгельмом II», которая выйдет в уникальной серии «Библиотека Николая Старикова».

Роман Валерия Рощина «Время первых», созданный на основе сценария одноименного фильма.

ЧАЙНА МЪЕВИЛЪ

ОКТЯБРЬ

ГРАНД МАСТЕР

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М11

China Miéville
OCTOBER
Copyright © China Miéville 2017

Перевод *А. Мовчан, В. Федюшина, Т. Беляковой*

Серия «Большая фантастика»
Оформление серии и иллюстрации на переплете
и форзацах *В. Половцева*
Оформление *А. Саукова*

Серия «Интеллектуальная публицистика. Лучшее»
Оформление *С. Курбатова*

Мьевиль, Чайна.

М11 Октябрь : [перевод с английского] / Чайна Мьевиль. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-04-089118-4 (Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-090023-7 (Интеллектуальная публицистика. Лучшее)

Новая книга Мьевиль посвящена осмыслению событий Великой Октябрьской социалистической революции в России. Драма, разыгравшаяся в 1917 году, повлияла на всю мировую историю, ведь буквально за несколько месяцев на карте мира возникло первое социалистическое государство. Исследуя это невероятное преобразование, автор не просто перечисляет сухие факты, но рассказывает неискущенному читателю захватывающую историю, полную интриг и страстей, надежд и предательств, вдохновения и отчаяния.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089118-4
ISBN 978-5-04-090023-7

© Мовчан А., Федюшин В., Белякова Т.,
перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается Гурру

«.....»
.....»

*Н. Г. Чернышевский,
«Что делать?»*

Введение

В разгар Первой мировой войны, когда растерзанная Европа истекала кровью, одно из американских издательств выпустило получившую широкую известность книгу Александра Корнилова «Современная российская история». Корнилов, либеральный ученый и общественный деятель, завершил свой труд в 1890 году, но специально для этого издания на английском языке, увидевшего свет в 1917 году, его переводчик, Александр Каун, актуализировал текст. Завершающий абзац книги в переводе Кауна начинается с грозного предостережения: «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что существующему порядку вещей предстоит исчезнуть».

И этот порядок действительно исчез — как и было предсказано. В этот бурный, удивительный по насыщенности историческими событиями год Россия была потрясена и сокрушена даже не одним, а сразу двумя восстаниями, двумя сумбурными политическими переворотами, двумя государственными трансформациями. Сначала, в феврале, было свергнуто самодержавное правление, державшееся почти полтысячелетия. Затем, в октябре, произошли события с гораздо более важными последствиями, крайне трагическими и сильно повлиявшими на дальнейшее развитие мира.

Период с февраля по октябрь 1917 года представлял собой непрерывную борьбу за власть, в эти месяцы сжималась пружина истории. До сих пор не стиха-

ют споры насчет того, что же тогда произошло и как оценивать произошедшее. Февральская и прежде всего Октябрьская революции уже давно стали призмами, сквозь которые рассматривается любая политическая борьба за свободу.

Уже стало традицией, сочиняя произведение на историческую тему, отречься от химерической «объективности», интерес к коей ни один автор не хочет или не способен поддерживать. Я следую этой традиции. Если же я ее нарушил, то, надеюсь, пусть догматически, пусть слепо, я все же остался ее сторонником. В этой книге есть злодеи и герои. Не пытаюсь выглядеть беспристрастным, я старался быть честным — и рассчитываю, что для читателей с различными политическими взглядами мой рассказ окажется полезным.

О русской революции написано много, и многие из этих произведений просто превосходны. Хотя моя книга основана на документальных материалах, она не претендует на роль исчерпывающего научного исследования. Это, скорее, краткое введение для тех, кто интересуется увлекательными историческими сюжетами, кто жаждет оказаться во власти ритмов революции. По сути, это художественное произведение. 1917 год представляет собой захватывающий роман, он полон исторических событий, надежд, предательств, невероятных совпадений, войн и интриг. Он соткан из мужества, трусости и глупости, из фарса, безрассудства и человеческих трагедий, из непомерных амбиций и эпохальных перемен, из ослепительного света, стали и теней, из дорог и поездов.

В самой «русскости» словно уже есть что-то опьяняющее тех, кто думает о России. Снова и снова споры об историческом пути страны (особенно между теми, кто не является русским по национальности, но иногда

и между самими русскими) сворачивают к сентиментальному традиционализму, к неизъяснимой Русской Душе, этой «вещи-в-себе». Бесконечно печальная, непостижимая, *многострадальная Россия-матушка...* Как пишет Вирджиния Вулф в своем фантастическом романе «Орландо», здесь «закаты медлят... не ошарашивает вас своей внезапностью рассвет, и фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы ее лучше закруглить»¹.

Это не дело. Вряд ли могут быть сомнения в том, что у России — свой, особый исторический путь, что этим можно объяснить русскую революцию (правда, поверхностно). Пусть так; но нужно учитывать эти особенности, не забывая о главном: о всемирно-исторических причинах и последствиях политического переворота, произошедшего в России.

Поэт Осип Манделштам в стихотворении, посвященном событиям 1917 года, говорит о «сумерках свободы». Сумерки предвещают наступление ночи, но есть и предрассветные сумерки. В этой связи переводчик Борис Дралюк задавался вопросом: что Манделштам предлагает восславить, «угасающий свет свободы или ее первый слабый проблеск»?

Вероятно, правильнее вести речь не о медлящих закатах и рассветах, не ошарашивающих своей внезапностью, а о сумерках. Нам всем знакомо сумеречное состояние, и мы еще будем погружаться в него. Сумерки бывают не только в России.

Да, это русская революция, но она имела и имеет отношение не только к России. Она вполне может стать общим достоянием. И коль скоро ее фразы остаются незавершенными, от нас зависит, как лучше их закруглить.

¹ Пер. Е. Суриц.

Замечание о датах

Для исследователя русской революции в буквальном смысле «порвалась дней связующая нить»¹. До 1918 года в России использовался юлианский календарь, который отставал на тринадцать дней от современного григорианского. Поскольку действующие лица этой книги использовали именно юлианский календарь, пользуюсь им и я. В некоторых работах можно прочесть, что Зимний дворец был взят 7–8 ноября 1917 года. Однако те, кто его брал, делали это 25–26 октября по своему календарю, и именно слово «Октябрь» перестало быть просто названием месяца, превратившись в лозунг. Поэтому, что бы ни утверждал григорианский календарь, эта книга — об Октябре.

¹ Выражение из «Гамлета»; пер. Б. Пастернака.

Глава 1

Предыстория событий 1917 года

Человек стоит на продуваемом ветром острове, глядя в небо. Он плотно сложен, силен и чрезвычайно высок, порывы майского ветра треплют на нем добротную одежду. Он не обращает внимания на плеск Невы, на кустарник и зелень прибрежной топи. С его плеча свисает ружье, над ним парит орел. Человек с восторгом всматривается в даль.

Петр Великий, всемогущий правитель России, как зачарованный долгое время наблюдает за орлом. Он восхищен его полетом.

Наконец он резко поворачивается и втыкает во влажную землю штык. Он проводит клинком сквозь грязь и корни, вырезая сначала одну, а затем вторую длинную полосу дерна. Он отряхивает их от земли и перетаскивает, пачкаясь в грязи, на то место, над которым парит орел. Там он выкладывает из полос дерна крест и кричит во все горло: «Здесь будет город заложен!» Так в 1703 году на Заячьем острове в Финском заливе, на земле, отвоеванной у Швеции в Северной войне, царь повелел построить большой город, названный в честь его святого покровителя, городом святого Петра, Санкт-Петербургом.

И этого никогда не было. Ничего такого царь не делал.

Эта история — стойкий миф о том, что Федор Достоевский назвал «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Но хотя Петр Первый и не присутствовал на месте основания Санкт-Петербурга в день закладки, тот был построен в соответствии с его мечтой, вопреки логике и здравому смыслу, на кишашем комарами берегу балтийского залива, в зоне затопления, которая весь год продувается штормовыми ветрами, а зимой сковывается жестокими морозами.

Сначала царь руководил строительством Петропавловской крепости, обширным сооружением в виде звезды, которое покрыло небольшой остров, чтобы при необходимости отразить ответное нападение шведов, так никогда и не состоявшееся. Затем Петр Первый распорядился построить у стен крепости в соответствии с последними проектами большой порт. Это станет его «окном в Европу».

Петр Первый был фантазером, и весьма жестким при этом. Он являлся современно мыслящим деятелем, презрительно относившимся к елейной «славянской замшелости» России. И если древняя Москва представляла собой живописный хаотичный клубок улиц в псевдовизантийском стиле, то в отношении Санкт-Петербурга Петр Первый указал, что он должен быть построен рационально, по прямым линиям, с изящными очертаниями грандиозного масштаба, широкими горизонтами, каналами, пересекающими проспекты города, с многочисленными величественными дворцами в классицистском стиле или сдержанном барочном — это был решительный отход от традиций и архитектуры куполов-луковок. По этому новому образу и подобию Петр Первый был намерен перестроить всю Россию.

Царь нанял иностранных архитекторов, велел внедрить европейский стиль, настоял на том, чтобы при строительстве был использован камень. Он в приказном порядке заселил свой город, распорядившись о переезде купцов и дворян в зарождавшуюся метрополию. Первые годы по недостроенным улицам Санкт-Петербурга по ночам бродили волки.

Улицы города были проложены, болота осушены, колоннады на бывшей трясине возведены тяжким принудительным трудом. Десятки тысяч крепостных и каторжников были под конвоем согнаны на земли, определенные Петром к застройке. Они закладывали фундаменты зданий в непролазной грязи и умирали в огромных количествах. Под городом осталось лежать сто тысяч трупов. Санкт-Петербург станет известен как «город на костях».

В 1712 году в качестве решительного шага против презираемого московского прошлого Петр сделал Санкт-Петербург столицей России. В течение следующих двух столетий с небольшим именно здесь будут происходить наиболее важные политические события. Москва, Рига, Екатеринбург и все остальные города и обширные губернии Российской империи также будут играть заметную роль, и их историей нельзя пренебрегать, однако именно Санкт-Петербург станет горнилом обеих революций. История 1917 года с ее долгой предысторией — это прежде всего история его улиц.

* * *

Россия, где слились европейские и восточнославянские традиции, в течение длительного времени формировалась на отвале, который, по словам одного из главных героев 1917 года Льва Троцкого, оставили «за-